

М.А. Блюменкранц

ИДЕЯ ПУТИ И ПУТИ ИДЕИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГЕНЕАЛОГИИ ТОТАЛИТАРНЫХ СИСТЕМ

В какой мере влияние идей определяет ход исторических событий? К примеру: стал ли бы возможен фашизм без философии Ницше¹ или возник бы культ личности Сталина без экономической теории Маркса? На первый вопрос придется ответить утвердительно, поскольку итальянский фашизм зародился несколько ранее, чем национал-социализм в Германии, и пришел к власти отнюдь не тропами Заратустры. С Марксом дело обстоит сложнее по многим причинам. И в связи с тем, что его идеи, в отличие от идей Ницше, не шли, на первый взгляд, в разрез с гуманистическими традициями европейской культуры, и потому, что опыт России оказался, в известном смысле, уникален: другим странам он был либо навязан в ходе второй мировой войны, либо заимствован ими а расчете на испытанный политический механизм, обеспечивающий жесткую централизацию власти, что явилось актуальным для ряда азиатских и африканских стран. Однако и социализм везде оказался со своей национальной спецификой. И все же при всей широте этого цветового спектра – от фашизма Муссолини до фашизма Гитлера, от венгерской модели социализма до социализма в полпотовской Кампучии – в них было нечто принципиально общее, что делало их родственными по духу, вернее, по затхлости его атмосферы. Общее – это, скорее, определенное состояние души, нежели состояние экономики или политических режимов.

Безусловно, и до Сталина в России существовала своя сложившаяся национальная традиция репрессий и расправ над собственными согражданами, свои тайные канцелярии, проводившие в жизнь «государево слово и дело». И до него прививалась практика российского градостроительства на костях и крови народа. Но такую методическую, такую бесчеловечно-безжалостную механику подавления и террора, от которого укрыться негде, направленную на превращение человеческих личностей в бессловесную, то бишь, славословящую массу, духовно могла подготовить для Сталина всепобеждающая теория, оперирующая людьми по закону больших чисел и рассматривающая природу человека, согласно знаменитому тезису о Людвиге Фейербахе, не как «абстракт» (т.е. нечто, определяемое абсолютно, и потому самоценное), а как совокупность общественных отношений (К. Маркс). Знак такой совокупности и поныне нестираем на многих, как лагерное клеймо.

¹ Оговоримся, что Ницше не рассматривается нами как прямой правозвестник фашизма, а скорее, как считает Эрнст Нольте: «... он первый выразил, и при том самым полным образом, ту центральную духовную сущность, к которой должен притягиваться любой фашизм...». Э. Нольте. Фашизм в его эпохе. Новосибирск, «Сибирский хронограф», 2001, с. 451.

Значит, вопрос решен однозначно: все зло от ложных идей и вольнодумство – опиум для народа? Ниоим образом. Альтернатива истории, как борьбы идей и непрестанного духовного движения, не метаистория, а смерть. В основе христианского учения – высочайшие нравственные задачи; а многовековая практика земного решения этих задач зачастую никакого отношения к нравственности не имеет. Благороднейшие идеи не раз становились удобным декором для человеческой низости. Но, с другой стороны, невозможно утверждать, что идеи сами по себе рождаются по ту сторону добра и зла, и все решает человеческая натура. Кровавые погромы часто совершались не закоренелыми преступниками, а добропорядочными гражданами, отцами семейств, не из природной, долго дремавшей склонности к садизму, а под влиянием идей религиозной, национальной, расовой и классовой нетерпимости, из обостренного чувства справедливости, понятого не как догма, а как руководство к действию. Торквемада, по свидетельствам, был человеком скорее мягкосердечным, чем суровым.

Можно предположить, что существуют идеи не столько интеллектуально-го, сколько волевого захвата, направленные по своему энергетическому импульсу не на отыскание истины как знания о мире, а на пересоздание мира в соответствии со своим теоретическим представлением о нем. В результате должна быть открыта не истина о мире, а мир должен быть полностью подогнан под соответствующую для него истину. Принцип предельно четко был сформулирован К.Марксом: философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его (согласно обретенной, наконец, Истине). При такой постановке проблемы философское учение перестает быть чисто научным феноменом и с неизбежностью становится учением мессиански-религиозным. А здесь только время способно решить, не станет ли очередной Магомет в Мекке очередным Магометом в Медине.

Но ведь на это резонно возразить, что религиозные распри, которые в истории христианской культуры нередко вспыхивали вокруг весьма отвлеченных предметов, не будучи направлены на изменение окружающей действительности, тем не менее часто приводили к яростным и кровопролитным схваткам. Достаточно лишь вспомнить ересь альбигойцев и методы ее подавления.

Все это так, но, во-первых, нельзя забывать, что представление о действительности у людей средневековья было иное, чем у наших современников; а во-вторых, и это в данном случае принципиально, никто не утверждает, что *единственно* необходимое условие потенциальной взрывоопасности идей должно состоять в их направленности на преобразование мира в соответствии с постулированными в них установками. Практически любая идея, в том числе и наиболее отвлеченная, способна оказаться приравненной к штыку при условии того, что она становится экзистенциальной установкой, жизненным принципом определенного числа индивидуумов. Как известно, и

проблема, с какого конца следует разбивать яйцо, при определенных обстоятельствах способна привести к катастрофическим последствиям. Видимо, дело не столько в знамени, сколько в его знаменосцах.

В конце концов, и формула Маркса об изменении мира – всего лишь дальнейшее развитие идей Просвещения. Суть не в том, кто первый воскликнул: «Эврика!», а в тех духовных или антидуховных тенденциях, которые господствуют в обществе, и благодаря которым идеи вдруг начинают дышать кровью и оставляют за собой горы трупов. Не будь благоприятной питательной среды, и Гитлера, с его маниакальной проповедью создания тысячелетнего рейха на основе расового превосходства арийцев заперли бы в психиатрическую больницу или рассматривали бы как экстравагантную достопримечательность мюнхенских пивных.

Но ведь и здесь не все так просто. Существует диалектическая связь: Германия двадцатых годов создает Гитлера в не меньшей мере, чем Гитлер создает свою Германию. И мы снова возвращаемся к проблеме, что было раньше: курица или яйцо? С курицами смиряться как-то не хочется, протестует эстетическое чувство. Уж больно ничтожны все эти властители народных дум, демиурги XX века: Гитлер, Сталин, Мао. Как совместить это духовное убеждение с поразительной исторической ролью, которую они оказались призванными сыграть? Злая ирония Провидения или неумолимая историческая закономерность сделала этих умственных и нравственных пигмеев земными божествами, распоряжающимися по своему усмотрению жизнями сотен миллионов людей? Только разгадав эту загадку, можно приблизиться к решению тех проблем, которые стоят перед нами сегодня.

Новая духовная ситуация в XX веке – дегуманизация всех сфер общественной жизни и человеческих отношений внутри этих сфер, экспансия массового сознания и массовой культуры, катастрофически углубляющийся разрыв между уровнем нравственного сознания общества и его научно-техническими возможностями. Эти факторы породили и новые социально-политические явления, в том числе такие, как возникновение тоталитарных режимов с их ничтожными как личности лидерами – медиумами и магами вырвавшейся на арену истории массовой души. Психологически появление этих черных карликов на небосклоне эпохи хорошо укладывается в афоризм Лихтенберга: «Не величие духа, а величие нюха сделало его таким человеком». На разломах исторического времени, в момент повышения уровня свободы личности в истории – эти лидеры, как никто другой, могли уловить и использовать настроения и высвободившиеся инстинкты масс, поскольку сами являлись носителями и выразителями массовой души. Несколько заостряя вопрос, тип такого вождя-диктатора можно определить, как «пошляка с

харизмой»², правда, с крошечной-темной харизмой, подкрепляемой бешеной волей к власти, с постоянной внутренней судорогой глубинного переживания личной ущербности, рождающего и демоническую жажду абсолютного самоутверждения.

Когда возникает вопрос об ответственности художника или мыслителя за пущенные ими в ход идеи, то упускают из виду, что идеи сами по себе ничего не решают. Они возникают и имеют обращение в чисто интеллектуальной сфере до тех пор, пока к ним не примешивается волевой компонент. Тогда они трансформируются в мысле-образ с переменным энергетическим зарядом. Здесь происходит перерождение идеи в миф, и уже миф выходит на улицу и, овладев массами, становится материальной силой. Хотя, по-видимому, следует разделять по крайней мере, мыслителей двух типов: спекулятивного и мифотворческого, что, конечно вовсе не исключает вовлечение любой, даже самой отвлеченной спекулятивной системы в процесс очередного мифотворчества, например, – Гегель – Маркс – Ленин. Мифотворческая по своему характеру философия Ницше такой постепенной перелицовки не потребовала, хватило ее вульгаризации. Можно говорить о большей или меньшей предрасположенности тех или иных философских идей к дальнейшим метаморфозам, но сами метаморфозы зависят от факторов другого рода. Прежде всего, от духовного состояния общества. Если мина заложена, для того, чтобы ее взорвать, не нужно быть Артистотелем или Кантом. Достаточно шаманского камлания популяризаторов-идеологов.

Для нашего времени характерно настороженно-подозрительное отношение ко всякому мифотворчеству, грозящему приобрести тотальный характер. Это естественно коренится в том горьком историческом опыте, за который человечество дорого заплатило в XX веке. В то же время, наша эпоха с особой силой переживает искус мифотворчеством, и в этом кроется как ее величайший соблазн, так и надежда обрести опору.

На заре века Вячеслав Иванов приветствовал возрождение мифа; в конце века многие здравомыслящие люди прилагают усилия для того, чтобы его окончательно похоронить. Вместо чаемого культурно-созидательного начала миф обернулся в нашем мире своей второй, разрушительной стороной. И без понимания этой теневой стороны мифа нам невозможно решить многие актуальные на сегодняшний день проблемы.

Кассирер определял человека как «символическое животное», «животное, создающее символы»³. Но так же, как мы создаем символы, символы, в свою очередь, создают нас. Мы живем в мире символических форм. Символ лежит в истоках духовного творчества. Миф, рождающийся на заре человеческой истории

² По выражению Г.С. Померанца: «Пошлость приходит в восторг и исступление, когда находит саму себя одаренной харизмой». Синтаксис, Париж, 1984, 12, с. 43.

³ Э. Кассирер. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры. В кн. Избранное. Опыт о человеке. М., Графика, 1998, с. 471.

– тот же символ. Символ – это наш способ прикоснуться к Тайне. Через переживание религиозных и культурных символов человек обретает духовный синтез, преодолевает глухой трагизм своего быстротечного существования, открывая в сокровенной глубине собственной души ее сопричастность живой бесконечности мироздания.

С утратой метафизического измерения наше историческое сознание утратило и бесконечное разнообразие символических форм, в которых осмысливал себя и окружающий мир человек средневековой Европы. Связь человеческого существования с Абсолютом, выработанная христианской религиозной культурой, была аннулирована.

Начавшийся процесс секуляризации сознания постепенно привел к перерождению символов культуры в культурную эмблематику. Эмблема – по сути – выхолощенный символ, сохраняющий видимость символической формы, но, в отличие от символа подлинного, потерявший творческую многозначность смыслов, способность соотносить внутренний мир личности с первоосновами бытия, безуспешно симулирующий связь человека со сверхличностными ценностями. Фактически, эта та система симулякров, которые Жан Бодрийяр считает характерной особенностью современной культуры. Символ умирает в эмблеме.

Тоталитарные режимы предложили изголодавшимся по *смыслу* исторического существования и историческим масштабам жизни людям иллюзию исторической перспективы. Они симулировали метаисторическое измерение истории, опрокинув религиозную вертикаль на идеологическую горизонталь исторических ценностей. В результате эти ценности получили сакральное наполнение, способное породить религиозный импульс. Однако, свое разрешение этот импульс находит не в религиозной символике, а в идеологической эмблематике. Искусство подмены религиозного символа идеологической эмблемой – один из инструментов технологии власти тоталитарных систем.

Механизм подмены основан на неотъемлемом свойстве мифа (метасимвола), которое Н.Бердяев определял, как устремленность к тотальности, целостность в отношении ко всякому акту жизни. В соответствии с этим миф заставляет каждое действие человека, любое проявление его внутренней жизни обращать к некоей целостности, соотноситься с ней. Он тотален по своей природе, и поэтому там, где целостность – иллюзия, иллюзорна и жизнь поклоняющегося иллюзии общества⁴.

Наше общество является одним из самых тяжелых пациентов в истории духовной болезни современного человечества. Сегодня оно переживает состояние кризиса, за которым следует либо смерть, либо выздоровление. По-прежнему су-

⁴ Идеологический миф способен возникать не только на почве политических движений мирского характера, но и на религиозной почве, когда религиозные ценности используются как средство достижения политических и социальных целей, приписывая этим целям сакральный характер.

существует опасность появления на волне популистских тенденций харизматических лидеров с «королевской» идеей. Поэтому, особенно важно, наконец, разобраться в практическом и духовном опыте наших встреч с идеями-мифами, создающими на своем пути пустыню и остающимися «вечно живыми».